

Георгий Делугьян,
политолог (Чикаго)
НАЛЬЧИК КАК РОССИЙСКИЙ
АНДИЖАН?

Цветная революция, о которой так долго говорили эксперты, пришла в Россию. Прорвало в слабом звене — на Кавказе, и очередной цвет — зеленый, исламский. Требуется рациональный, трезвый анализ, на основе которого возможна стратегия политического сдерживания насилия. В Нальчике не повторились ни Беслан, ни захваты Грозного боевиками. Нападению подверглись местные органы милиции, ФСБ и пр. Нападавшие, несмотря на преимущество внезапности, быстро потерпели поражение. Заложников они брали в последний момент, для прикрытия отхода. Сообщалось и о захвате охотничьего магазина. Похоже, что нападали не матерые ичкерийские «волки», а местная необстрелянная молодежь, которой не хватало оружия, навыков и политической координации. Зато была отчаянная мотивация мести и бунта. Это-то и страшно — ибо напоминает захват суда и тюрьмы в Андижане.

Кабардино-Балкария недавно еще считалась спокойной. Но десятилетие спокойствия под твердой рукой дорого стоило. Бывший партиец Валерий Коков, ставший президентом КБР после развала Союза, дважды отбивался от национал-демократической интеллигенции перестроечного образца. Впервые — после ГКЧП, когда в соседней Чечено-Ингушетии дудаевцы свергли его номенклатурного коллегу Доку Завгаева. И осенью 1992 г., когда вторжение грузинских боевиков в Абхазию всколыхнуло массы. Тогда Коков при поддержке Ельцина направил протестный взрыв против Грузии. Вместе с отрядами кабардинских добровольцев революционный заряд ушел на фронты Гагры и Гумисты. Кокову оставалось справиться с требованиями балкарцев, осознавших, что в новую эпоху конкурентных выборов и приватизации они могли остаться и без доли власти, и без собственности. При этнически разделенной политической арене, как и в Бельгии или Северной Ирландии (чтоб не все валить на «горскую клановость»), сепаратизм стал тогда для балкарцев национальной идеей. Верхушку балкарского движения кооптировали, как и в советские времена, на вторые посты в руководстве республики, прочих активистов приструнили прокуратурой, а компенсации балкарцам за сталинские репрессии «замяли» в инстанциях.

К середине 90-х Кабардино-Балкария (как и Узбекистан) являла собой усеченное переиздание брежневского застоя. В уютном Нальчике на центральной улице Ленина висели транспаранты во славу дружбы народов и мудрого руководства. Но застой лишь только снился. Экономика распадалась на влачащий дотационное существование бюджетный сектор, на помпезные особняки новых бизнесменов, у которых неизменно находились родственники при должностях, и на море разлитое неформальной экономики выживания посредством приусадебного хозяйства, барахолок, частного извоза и шабашничества. Бедность помножьте на патриархальную культуру Кавказа, где мужчина обязан быть добытчиком. Но в селах безработица достигала 90%. Оставалась продажа кустарных изделий из пуха горной козы — их неумоимо вязали балкарские женщины.

В худшем положении оказалась молодежь, лишенная перспектив нормального взросления. Рождаемость на Кавказе высокая, поэтому так много ищущих применения парней. По традиции лет в 50 горские мужчины делались старейшинами, обзаводились палками (даже если пока ходили нормально) и начинали посещать мечеть. С конца 90-х в мечетях стали замечать сосредоточенных юнцов, готовых поучать старших насчет истинного ритуала. Молодые исламисты стали выделяться в особые религиозные общины, которые могли стать антисистемной платформой.

Социологи революций обнаружили устойчивую связь между вероятностью восстания и коррумпированностью семейственной власти — по Макс Веберу, султанизмом. Султанистские режимы есть крайняя форма неовотчинности — распоряжения страной как своей вотчиной. Такой режим теряет опору по мере подгребания синекур и отчуждения средних слоев от места в политике и экономических возможностей. Одряхление «султана» либо, в наши дни, выборы создают момент опасности, когда из-за пределов и даже изнутри ближнего круга возникают попытки взломать монополию на власть и привилегии. Тем более отчаянного и анархистского толка, чем ниже и неустойчивее социальные слои, из которых взрывается протест. Проще говоря, когда на султана восстали свои — это дворцовый переворот, как в Грузии. Когда к перевороту подключаются образованные горожане, как на Украине, возможна карнавальная революция. В Киргизии призвали задиристых сельских парней — обернулось это побитыми окнами. В Андижане под знаменем исламской справедливости восстала традиционная на Востоке

сила — базарные торговцы и «чернь», по науке, субпролетарии. У горцев Кавказа не менее традиционны дерзкий набег и кровная месть.

Набег на Нальчик — опаснейшая историческая развилка для Северного Кавказа и России. Генералы, упорно настаивающие на своей способности утихомирить Кавказ, толкают к узбекскому пути жестоких репрессий под завесой пропаганды. Эта перспектива ужасает. Но еще есть надежда. Конкретно — это Дмитрий Козак, доказывающий, что в России есть компетентные чиновники. И это новый президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков, слывающий человеком не только очень богатым и честолюбивым, но и прошедшим жесткую школу прагматизма в 90-е годы. Первая их задача — остановить маховик репрессий, множащих кровников. Следующая — применить наконец бюджетные инвестиции по назначению и восстановить социально значимые отрасли: строительство и образование. Надо занять и обнадеежить народ и интеллигенцию. Наконец, потребуется восстановление политического поля, что нелегко сделать после правления Кокова и в апатичном климате сегодняшней России.

Не так уж давно в Кабардино-Балкарии шумела общественная жизнь, пусть тогда и не самого ответственного толка. Но времена меняются. Бывший президент Конфедерации народов Кавказа Муса Шанибов как-то признался мне: «Если бы я в 1992 г. не увел ребят в Абхазию, а свергнул Кокова, Нальчик превратился бы в Грозный. Лучше уж правили б партократы и ворье, чем я». Известным личностям вроде Шанибова, Барасби Бгажнокова или Руслана Нахушева—место в парламенте. Пусть оттуда оппонируют Канокову, чем со своих кухонь и тем более из мечетей. Социологические теории четко подтверждают, что вероятность восстаний резко снижается с открытием легального политического поля.

В начале 90-х Кабардино-Балкария чудом проскочила опаснейшую историческую развилку. Это надо оценить и осмыслить. Тогда стабилизация прошла по-коковски, со всеми издержками застоя. Теперь предстоит отстроить более динамичный и устойчивый режим. Иначе — Андиган рядом с Чечней.

«Известия», М., 20 октября 2005 г.